

С другой стороны, не стоит абсолютизировать общий кризис капиталистической миросистемы. Несмотря на постепенное перераспределение экономических центров силы в миросистеме и их культурное разотождествление с Западом как исторической прародиной ее культурная, политическая и экономическая логика остается в современном мире неизменной и безальтернативной, как и легитимность ключевых понятий и институтов, призванных поддерживать глобальный либеральный консенсус. Новые вызовы меняют миросистему, но не отменяют ее законов. Такова собственно и оптимальная стратегия для современной России – менять миросистему к всеобщей выгоде, а не бороться в ограниченной цивилизационной логике с ее нынешними гегемонами. Этот принцип уже однажды помог России превратиться в короткие исторические сроки из аграрной распадающейся империи фактически в альтернативный центр миросистемы. Такой путь возможен и сегодня.

После транзитологии: Современность не для всех

Разочарование в неизбежном историческом торжестве идей мирового коммунизма, экономическая и идеологическая слабость привели к распаду социалистического лагеря и СССР. Как показалось сначала – наступил «конец истории», связанной с былыми идеологическими конфликтами человечества. Конец истории, символизирующий глобальное и неизбежное торжество универсальной демократии. Но этот конец оказался лишь началом глобальной трансформации капиталистической миросистемы, доминировавшей в последние 200 лет (1789–1991), составными частями которой в биполярном мире были и капитализм, и коммунизм, и неприсоединившиеся страны. Этот тезис подтверждает разочарование человечества в политических универсалиях как таковых, будь то теории коммунизма

или демократии, либеральные рецепты «чикагских мальчиков» или рецепты форсированного экономического роста неразвивающихся стран мировой периферии.

Логика замены в отечественном общественном сознании всеильной марксистской теории экономических формаций и неизбежного перехода от капитализма к коммунизму на не менее всеильную теорию модернизации как перехода от тоталитаризма к демократии – на самом деле мало что дала для действительного понимания реальных процессов, происходящих в постсоветских обществах. Обе теории с точки зрения своих методов и ключевых положений выглядят как зеркальные двойники. В самом деле, чем опора на классовый подход хуже деления общества на элиты и массы, чем пропаганда достоинств рабочего класса хуже апологии достоинств среднего класса собственников? Трудно объяснить вытеснение одной универсальной теории другой иначе как поражением СССР в холодной войне, когда теория демократического транзита за неимением лучшего просто заняла место транзита коммунистического. Однако вскоре выяснилось, что светлый путь к «общечеловеческой» либеральной демократии также оказался с «двойным дном».

Парадигма «модернизации» в виде «транзита» представляет собой тавтологическое утверждение универсальности ценностей и институтов западного по своему генезису Модерна и Просвещения. Она работает на уровне политического как: а) национального и б) идеологического. Предельным уровнем политического здесь выступает нация-государство. Политические институты и ценности западного Модерна трактуются как универсальные, к которым «естественным путем» должны прогрессировать все народы мира. Отклонения от западной либеральной демократии осмысляются как временные патологии политического развития, никоим образом не отменяющие универ-

сальности политических институтов демократии, прогресса, индивида и свободы, ибо любая политическая патология может и должна быть излечена.

В наиболее радикальном виде парадигма модернизации представлена транзитологией, исходящей из универсальности аксиомы о неизбежном преобразовании любого недемократического общества в демократическое. Фабула подобного перехода представляет собой весьма архетипический сюжет о приходе «золотого века» и «конце истории» как достижения всемирного «гражданского» либерально-демократического политического состояния. В данном случае ценностный политический идеал отождествляется с вполне конкретным типом политического устройства стран Западной Европы, США, Японии. Полагая конечную цель и стандарты ясными, страны бывшего соцлагеря и «третьего мира» сосредоточили все свое внимание лишь на самом разрыве должного и действительного.

В этот период становления российская политическая теория была занята лишь самой ситуацией и необходимостью перехода, поэтому рефлексия нормативности политики отпадает за ненадобностью, так как ценности и нормы уже предписаны заранее. Речь идет лишь о технических аспектах, условиях, способах и времени перехода к «золотому веку» и далее: «На основе данной модели создаются соответствующие транзитологические модели – «циклическая», «второй попытки», «прерванной демократии», «прямого перехода», «деколонизации» и т.п.»¹.

Транзитология, используя дуальные схемы: государство – гражданское общество, демократия – тоталитаризм, план – рынок, традиционное – современное, будучи оценена с точки зрения морали, приобретает манихейский характер. Пе-

¹ Гуторов В.А. Современная российская идеология как система и политическая реальность. Методологические аспекты // ПОЛИС, 2001. № 3. С. 73.

речисленные дуальные связки начинают иллюстрировать уже не «идеальные типы» М. Вебера¹, которыми они изначально являлись, но глобальную борьбу добра и зла. Поэтому транзитологические работы, описывая политическую реальность с помощью упомянутых категорий, предписывают ей заранее те или иные моральные свойства, заявляя при этом о своей культурной, идеологической и моральной нейтральности.

Однако дело в том, что радикализованные моральные оценки здесь просто уже содержатся «внутри» самих политологических категорий, не требуя обращения к чему-то «извне». Мораль здесь уже «онаучена» и объективирована, ассоциируясь с универсальностью, полезностью, эффективностью и «утилитарностью». Поэтому необходимость рефлексии о ценностных аксиомах транзитологических политических теорий внутри самих этих теорий не имеет смысла. Исследователь, использующий подобный теоретический инструментарий, знает легко предсказуемые ответы на все возможные вопросы, причем еще до того как они возникнут. Таким образом, транзитология побуждает своих адептов превращаться из ученых в идеологов. В силу этого транзитологический дискурс с большой вероятностью приобретает черты мессианства, нетерпимости, дидактизма и «прогрессорства», обращаясь к анализу «чужой», «патологической» политической практики.

Транзитология – это тавтологическая структура познания политики. Она оформляется в виде культурно-псевдо-нейтральной политической теории, опирающейся на аксиому о существовании универсальной политической нормы, которая потенциально распространяема на любой политический режим, цивилизацию, универсум.

Применительно к России априорная аксиома транзитологии заключается в том, что необходимо применить

¹ Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 495-546.

универсальную политическую теорию к частному предмету – России, которая не обладает какой-либо «особенностью», то есть собственной логикой исторического и социокультурного становления. Поэтому «российская политология», исходящая из логики отличий, разрывов, «особенного», «своего пути», здесь просто немыслима. Транзитологическая теория пронизана духом западного Просвещения, Панлогизма и Евроцентризма. Она направлена на заимствование нормативных ценностей, политических институтов и теорий на Западе, представляющем нечто вроде земной реализации трансцендентного политического идеала. В России транзитология исторически связана с догматичным западничеством, начиная с Петра I и П. Чаадаева и заканчивая советскими диссидентами, либералами и правыми, последовательно представленными такими партиями как «Демократический выбор России», «Союз правых сил», «Либеральная Россия», «Гражданская сила».

Ключевыми понятиями в политической логосфере транзитологии являются гражданское общество, свобода, демократия, конкуренция, рынок, права человека, эффективность. Обобщающим ценностным концептом, реализующим в политической практике все перечисленные, стало понятие «реформы». «Реформа» – ключевой легитимирующий концепт транзитологического дискурса российской политической науки 1990-х гг. Политический праксис «реформ» опирался на сверхценность негативного «освобождения от прошлого», усиленного «политическим комплексом неполноценности» элиты в результате поражения в «холодной войне».

Вторым легитимирующим концептом транзитологии стало гражданское общество, которое в качестве общества «двух третей», «общества потребления» или «информационного общества» должно было сменить традиционное описание общества сквозь призму политических классов. Здесь можно наблюдать логику описания общества, свя-

занную с подменой политических и социологических категорий описания: классы, государство, идеологии, партии, справедливость, акцентирующих внимание на реальной конфликтности политического взаимодействия внутри общества – различными культурологическими, антропологическими терминами: нация, индивид, язык, религия, этнос, культура, дух, идентичность, то есть понятиями, с помощью которых якобы можно решить политические конфликты путем «консенсуса», «плюрализма», выработки «общенациональных интересов», воспитания толерантности, внедрения институтов гражданского общества и т.п.

Фактически же таким образом обосновывалась идея отчуждения человека от его реальных интересов в пользу «общепримирающей национальной идеи», совпадающей (как это ни странно) с политическим интересом лишь малой части общества – властной элиты, контролирующей ключевой политической институт – государство. Однако реальное появление «национальной идеологии», снимающей все классовые, социальные, экономические и прочие противоречия, означало бы конец политики в современном ее понимании как борьбы классов и идеологий и наступление «коммунистического рая», общества без социально-экономических антагонизмов.

Манипулятивные ловушки концепций гражданского общества и среднего класса, призванных объединить общество, состояли в том, что настоящие идеологии не могут быть надпартийными, объективно отражающими интересы всего общества, народа, нации. На самом деле транзитология легитимировала новую российскую элиту не «национальной идеологией», которой не может быть по определению (идеология – всегда система ценностей *части* общества), а самим переходом от патологического – критика тоталитарного советского прошлого, к идеальному – апологии «цивилизованного общества» через концепт «реформ». Од-

нако этот переход в «небо на земле» не сработал или же сработал дефектно в Новейшей политической истории России.

В результате в российском политическом дискурсе возникла удобная и популярная схема «русской демократии с прилагательными» в рамках кода норма – исключение, догма – ересь. Эта теоретическая схема представляла собой оправдательный дискурс российских реформаторов, объясняющих, почему реформы не достигли намеченных целей. Однако реформы не могут длиться вечно, выступая самолегитимирующим основанием политического режима, но не принося при этом обещанного положительного результата. Поэтому в нынешнем российском политическом дискурсе более чем неубедительно выглядят описания политического режима России, которые пытаются включить отечественные политические реалии в поле «универсальной» теории модернизации через «черный ход» временного «патологического» российского отклонения от «западной нормы» в ходе вечного возвращения в лоно «цивилизации». «Постсоветская демократия характеризуется как «дефектная», «заблокированная», «нелиберальная» и т.д.»¹. В экономическом срезе этот «дискурс патологического отклонения» дополнительно иллюстрируется теориями «государственно-монополистического» и «феодального капитализма» и даже «индустриального феодализма»². Но в итоге следует признать, что в познавательном плане «демократия с прилагательными» так ничего и не объяснила в силу ложности парадигмы транзита в самом ее основании.

С другой стороны, нельзя не отметить, что едва ли не первыми исчерпанность и тупиковость транзитологии осоз-

¹ Бляхер Л.Е. Властные игры в кризисном социуме: преобразование российской институциональной структуры // ПОЛИС, 2003. № 1. С. 63.

² Бычкова О.В. Постсоветское рыночное реформирование: политэкономические концепции // ПОЛИС, 2001. № 6. С. 164.

нали именно советологи, когда-то внесшие наибольший вклад в ее создание. Западная советология, представлявшая авторитетный дискурс в формирующейся российской политической науке конца 1980 – середины 1990-х гг. (З. Бжезинский, Р. Пайпс, Х. Арендт и др.) не смогла ни предсказать, ни концептуально осмыслить в рамках парадигмы «транзита» реальные трансформации постсоветской политической реальности. Дело в том, что советология анализировала во многом не реально происходящие в России политические процессы, а исходила из прескриптивности и привилегированности привычных на Западе норм и ценностей, транслируемых на инокультурный «варварский» объект – СССР и современную Россию. Поэтому нетрудно догадаться, что актуальный идеологический тренд советологии связан именно с «отказом от дискредитированного понятия «реформа» и переходом к эффективной фразеологии, связанной с «возрождением», «развитием», «государством» и т.п.»¹.

В силу теоретической прескриптивности транзитологии речь в ней могла идти лишь об адекватности/неадекватности, соответствии/несоответствии российской политики «идеям» (в платоновском смысле) свободы, демократии, рынка и т.д., имеющимся в сознании конкретного теоретического субъекта в качестве «идеальных». Причем эта идеальность нерелексивируема, она выступает как символ веры, нечто «интуитивно ясное», самоочевидное для данного субъекта познания. При этом дискурс модернизации автоматически отказывает политической реальности России в собственном «имени», то есть, по сути, в собственных закономерностях, самостоятельном и уникальном характере развития. Соответственно, политическая реальность остается как неназванной, так и, соответственно, непознанной.

¹ Прозоров Б.Л. О судьбах советологии // Вестник МГУ. Серия 12 «Политические науки», 2001. № 6. С. 26.

Тем не менее ряд авторов, таких как Н. Смелзер, П. Штомпка¹ и др., пытаются «спасти» дискурс модернизации, приписывая «переходным обществам», прежде всего Восточной Европе и странам СНГ, «социокультурную травму» (опять-таки «патология»), которую необходимо преодолеть путем «гражданского ремонта» и «мультикультурализма»². Однако сама необходимость движения к универсальной политической «модерности» становится все более сомнительной, как отмечает Б.Г. Капустин: «“Транзитологическая” парадигма есть лишь стыдливое воскрешение из мертвых той самой теории модернизации, которая процветала в 1950–1960-е гг., будучи предназначена для возникшего тогда “третьего мира”, и почил в 1970-е, выявив свое интеллектуальное банкротство и политическую иррелевантность»³. Более того, универсальность теории транзита, опирающаяся на классические ценности Просвещения и Модерна, становится все более проблематичной в условиях пост-Модерна, в условиях политической, экономической, культурной «глокализации», осуществляемой по вполне четким «двойным стандартам».

Глобализация политики и кризис наций-государств уничтожают прежнюю универсальность Просвещения, которая оказывается универсальностью западного цивилизационного типа с отчетливыми историческими границами. Столкновение с этой исторической граничностью подтверждает непреодолимость глобальных социально-экономических и культурных разрывов и границ нормы/не-нормы, что в свою очередь отвергает саму возможность «транзита» от патологии к норме.

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

² Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // СОЦИС, 2002. № 10. С. 3-11.

³ Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // ПОЛИС, 2001. № 4. С. 7.

Здесь идеологический характер транзитологии лишил ее возможности адекватного методологического осмысления того, что она описывает. Ценности и традиции, обусловливающие значимые отличия не-западных политик, отсекаются как второстепенные в рамках фундаментальных просвещенческих установок – объективизма, прогрессизма, культурной однородности и универсальной рациональности. Особенно явной эта неадекватность становится в условиях кризиса Модерна. Тот факт, что неотвратимые законы и тренды истории тоже есть чьи-то перспективы и стратегии, которые “рациональны” лишь в той мере, в какой за ними стоит сила победителей, не рефлексирована теорией модернизации и современной “транзитологией”, что и делает имморализм... элементом их общей парадигмы¹. Тип западной «модерности», к которому апеллирует транзитология, представляет псевдо-универсальную нормативную схему из двух теоретически взаимообусловленных признаков: рыночной экономики и либеральной демократии – «политической свободы».

Однако при более пристальном анализе предложенная схема адекватно работает только в описании не универсальной, а именно уникальной социокультурной реальности Запада, будучи предназначена для самоописания «западной цивилизации», то есть «для внутреннего употребления». Распространение этой схемы вовне, в сравнительном контексте, обнаружило несвязность даже этих признаков. Например, как феномены недемократических, но рыночных индустриальных монстров – Китая, Южной Кореи,

¹ Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? ... Там же. С. 10.

² В качестве радикального примера можно вспомнить о генезисе первых демократий – нерыночных, рабовладельческих политических образований, таких как античные полисы и Римская республика.

«азиатских тигров», Чили – так и примеры демократических, но нерыночных государств².

Ложное отождествление капитализма и идеи демократии обернулось в конечном счете и реальным кризисом транзита к «демократическому капитализму» (построением «демократии для народа, но без народа»), и кризисом концепта либеральной демократии, опровергающим универсальность отождествления капитализма и демократии, согласно которому политическая демократия возможна только как следствие и «надстройка» над рыночной экономикой.

Парадоксальный пример современной России показал, что либерализация экономики привела к ее «декапитализации» и свертыванию производства, росту общественно-экономического неравенства и параллельно инициировала элитаризацию политики, «закрытие» политической элиты.

Иными словами, либерализм оказывается антидемократичным, а демократия эгалитарной, поэтому их сочетание неестественно и может быть обусловлено только внешними причинами, например «холодной войной» и наличием СССР, заставлявшими в свое время западный либерализм иметь «демократическое лицо»¹.

¹ Если исходить из «пирамиды человеческих потребностей», нельзя не заметить корреляции концепта либеральной демократии с абсолютизацией отнюдь не первоочередных, синтетических потребностей, таких как права человека, политические свободы и т.п. Очевидно, что либеральная демократия во многом является следствием высокого благосостояния подавляющего большинства граждан, у которых полностью удовлетворены и поэтому уже неактуальны базовые, первостепенные человеческие потребности, связанные с правом на жизнь, пищу, жилье, лечение, которые тесно коррелируют с патримониализмом и государством. Эта взаимосвязь объясняет наблюдаемое в последние годы в России вытеснение в российском политическом дискурсе либеральной

Таким образом, сегодня транзитология заключает сама себя в идеологическую ловушку, пытаясь подогнать не аутентичную для западной политической теории действительность под идеализированные в рамках западной социокультурной реальности нормативные схемы. Однако в данном случае, выписка рецепта предшествует анамнезу болезни, которая вдобавок зачастую симулируется самим врачом. Идеальный провал и резкое свертывание в политологических журналах публикаций транзитологических рецептов для России, кризис, например привилегированного ранее евроцентричного дискурса в сравнительной политологии, вызваны здесь прежде всего именно отсутствием методологической рефлексии исследователей по поводу исторических, цивилизационных, климатических детерминант, которые скрываются или игнорируются. В результате эти детерминанты проявляются уже апостериори, после не критичного использования нормативных схем анализа. «Натянутые концепты», ориентированные на авторитет привилегированного политического дискурса Запада попросту «лопнули». Более того, оказалось, что «не стоит стремиться найти универсальное познавательное средство, которое поможет раз и навсегда ликвидировать «айсберги» как таковые. «Титаник» не превратится в ледокол; то, что годится для одних случаев, не всегда пригодно для других...»¹.

Итак, в российской политической науке конца 1980 – середины 1990-х гг. доминировала транзитология и соответствующая ей теория догоняющей модернизации как

риторики борьбы (личная инициатива, политические и экономические права, свободы, конкуренция) патримониальной риторикой защиты человека: усиление государства, регулирование рынка, перераспределение доходов, социальные гарантии, порядок и т.п.

¹ Гельман В.Я. «Столкновение с айсбергом»: формирование концептов в изучении российской политики // ПОЛИС, 2001. № 6. С. 12-13.

единообразного пути прогресса, уже пройденного Западом, по которому предстоит пройти всем остальным государствам. Споры велись по сути лишь о технических аспектах, условиях, способах и необходимом времени перехода к «золотому веку» и «земному раю». Эта теория служила парадигмой подавляющего числа российских политологических трудов. В них реальные социально-политические феномены, осмыслялись с позиции идеального, универсального, финального состояния политики, реализованного в виде западного Модерна.

Подтвержденная опытным путем в ходе либертариистских «реформ» и политических экспериментов несводимость России и иных «переходных стран» к идеалу поначалу мыслились как патология, которую надо «шоковым путем» привести в соответствие требованиям нормы. Но еще М. Фуко писал, что привилегия нормы как раз оформляется за счет не-нормы, разум за счет безумия, закон через определение преступления и т.д. Поэтому попытка реализации Западного Модерна в глобальном масштабе показала его граничность за счет политического «Другого» и привела к закономерному кризису, осмысляемому как состояние пост-модернизации, де-модернизации, глобализации, виртуализации и т.п. Оказалось, что западному Модерну для собственного воспроизводства необходим культурно-политический «варвар», в сравнении с которым он является идеалом и нормой.

Таким «политическим варваром» для транзитологов и советологов и был СССР. В настоящее время кризис политических институтов Модерна (распад социальных групп, деидеологизация и сокращение массовых партий и профсоюзов, профанизация базовых ценностей массового участия и др.) показал всю идеологическую уязвимость, историческую и цивилизационную исчерпанность универсальных транзитологических рецептов для мира в целом и Рос-

сии в частности. Непосредственно в рамках политической науки переход от Модерна к пост-Модерну инициировал прагматический поворот от моно- к мультипарадигмальности политического знания. Релятивизация политических теорий проявилась в том, что каждая теория получила право на существование, но ни одна из них более не способна сделать собственную истину всеобщей.

Транзитологии, утратившей свое первоначальное доминирование в российской политической науке, могут противостоять только теории, утверждающие, что ценности Просвещения и Модерна действительно *могут быть универсальны и общечеловечны*, но никак не могут быть универсальны те или иные исторические, национальные рецепты их реализации. *Проблема в том, что универсально-общечеловеческие политические ценности и институты есть условие и атрибут общечеловеческой культуры, которой в реальности никогда не существовало.* Поэтому говорить от ее имени – значит претендовать на глобальную власть. Общечеловечно же человечество лишь по своему генезису, как биологический род, но в политическом срезе еще долго будут существовать конфликтующие, исторически изменчивые, часто исходящие из противоположных друг другу социокультурных аксиом государства, мировые регионы, исторические общности, народы, классы. Соответственно, как в политике, так и в системе политического знания, нельзя достичь всеобщих, объективных истин, так как все политические субъекты де-факто ангажированы. А претендовать на всеобщность могут только прескриптивные нормы, связанные с «что и каким образом политические субъекты должны делать», чтобы работать на всеобщие и долгосрочные интересы человечества.

Критика транзитологии осуществляется через анализ национально-государственных проектов Модерна и Просвещения, которые навязывают в качестве нормативных

свои исторически «уникальные» пути возникновения и развития, «особенные» формы институционализации ценностей как образцы для подражания.

Для структуры транзитологической парадигмы ключевой является сверхценность транзита от тоталитаризма к демократии как «цивилизованному обществу» путем проведения «реформ». Эта парадигма имеет явный «прогрессорский» подтекст, причем «золотой век» в ней не имеет характера утопии. Наоборот, он предельно приземлен и материализован топологически, как бы это не скрывалось в виде нормативности политической реальности Запада. В транзитологической парадигме рефлексия исследователя минимальна, а исследования носят в основном эмпирико-прикладной характер: а) перенос и применение универсальной теории к данной социокультурной реальности; в) отбор фактов, когда результат применения теории «обязан» подтвердить ее универсальную значимость.

Для подобных теорий характерна сверхценность самого транзита как процесса, осмысляемого сквозь призму «реформ». Таким образом, новый постсоветский режим легитимировался не через «национальную идеологию» или новый общественный договор, а самим переходом к универсальным стандартам «цивилизованного общества». Но в настоящее время следует признать, что подобная «демократия с прилагательными» так ничего и не объяснила. Вернее, просто отсрочила объяснение реформаторских элит с народом на более поздний срок. Универсальные стандарты не были достигнуты. Очевидно, что реформы также не могут длиться вечно, выступая легитимирующим основанием политического режима, но не принося обещанного результата. Критики теорий транзита указывают на их неспособность допустить, что реализация аксиоматически «правильной теории», например либертаристских реформ, дающая патологический результат, может быть объяснена

не только неким несовершенством изменяемой с их помощью реальности, но и ошибочностью самой теории.

Реформы обнаружили отсутствие автоматической универсальности а la Запад, наступающей в результате механического внедрения институтов и практик демократии, разделения властей, выборов, рыночных принципов и т.д. Проблема в том, что демократические политические институты и практики сами по себе не могут автоматически породить довольно уникальный тип политического сознания, когда-то их инициировавшего в рамках ареала Просвещения. Оказалось, что универсальные социально-политические идеи и институты обусловлены историко-географической ситуацией своего возникновения в гораздо большей степени, чем казалось ранее. Поэтому политический транзит как механическое копирование институтов либеральной демократии без предварительного одобрения обществом идей легитимирующих реформ оборачивается новейшими политическими и экономическими кризисами, будь то Латинская Америка, Юго-Восточная Азия или Восточная Европа.

Когда в российской политической науке теорию научного коммунизма сменила политология западного образца, на первый взгляд изменилась и познавательная парадигма. Но только на первый взгляд. На самом деле, произошла замена марксистской теории экономических формаций и перехода к коммунизму ее зеркальным антагонистом – теорией модернизации и перехода к демократии и капитализму. Произошел лишь массовый отказ исследователей от классового подхода и идеализации рабочего класса. В настоящее время оба эти подхода свехидеологизированы и практически не релевантны, отражая классическую борьбу «великих идеологий», которая не актуальна в условиях массового общества. Одной из главных причин кризиса теорий демократического транзита стало то обстоятель-

ство, что в современном российском политическом дискурсе понятие демократии содержательно разрабатывалось только через противопоставление прошлому, через демократию, понимаемую как антипод социализма, как антикоммунизм.

В результате после краткого мига торжества демократия так и осталась негативным теоретическим концептом, который так и не пришел в согласие с российской политической реальностью. Этого и не могло произойти, потому что демократия пришла в Россию как утопический проект, который по определению не может быть реализован полностью. Форма этого пришествия была идентична исторической форме пришествия коммунизма, как реализации утопии. Но воплотить популистскую утопию не получилось. Поэтому неудивительно, что став из утопии идеологией властной элиты демократия тут же обрела новых антагонистов в лице ностальгической утопии советского проекта и ряда критических теорий, указывающий на изъяны демократических идей и институтов в настоящем России.

И все же это разочарование вовсе не означает кризиса ценности и идеи демократии, которая постепенно приобретает популярность в виде новой концепции «качества демократии». Теория «качества демократии» представляет собой переход от нормативных «идеальных типов», с помощью которых ранее описывались политические режимы, таких как тоталитаризм и демократия, с одной стороны, и социализм и капитализм – с другой, к пост-идеологическому измерению демократии количественными методами. Здесь ранее предлагаемый транзитологией переход от одного реально не существующего идеального политического типа к другому, не менее виртуальному, заменяется количественным измерением совокупности демократических признаков политического режима, которое в итоге оборачивается его «суммарным качеством».

Однако при таком подходе демократия как характеристика «по умолчанию» приписывается практически любому обществу. Происходит логическая подмена понятий. Вместо одного их видов политических режимов (как это было у Платона и Аристотеля) демократия становится едва ли не единственным возможным политическим режимом, внутри которого возникают плохие и хорошие, то есть «качественные» и «порченные» подвиды демократии. В результате, «глобализированная демократия» оборачивается релятивизацией концепта демократии в духе пост-Модерна.

Идеи объективируются, когда реализуются в политических институтах. Но «объективация ценностей» путем их отождествления с политическими институтами ложна. Идеи и ценности автономны от реальности. Их отождествление с социальной реальностью является исчерпанием идеи, ее реализацией, а следовательно и неизбежной профанизацией. Идеи порождают институты, но институты не могут породить автоматически сознания, когда-то их инициировавшего. Рецепт механического внедрения политических институтов демократии, свободы слова, разделения властей, выборов, рынка не ведет *автоматически* к установлению реальной либеральной демократии. Проблема в том, что перенос политических и экономических институтов сам по себе не ведет к производству соответствующего типа ценностей. Зависимость диаметрально противоположна. И идеи, и институты обусловлены социально-политическим, историческим пространством их возникновения. Но институты не заработают, если общество не ценит лежащие в их основе идеи.

Современность: стандарт для избранных?

Опыт несостоявшегося транзита мировой периферии к универсальному капитализму показал всю сложность Современности (Модерна) как одного из самых идеологизиро-

ванных понятий общественных наук и Современности как социальной реальности, стандарты которой если и не двойные, то совершенно точно ограниченные, осуществимые для немногих. Как в свое время заметил классик миросистемного анализа И. Валлерстайн¹, современный капитализм может существовать только за счет некапиталистической периферии. Попытка его реализации в глобальном плане с помощью теорий индустриализации, «перехода», догоняющей модернизации обнаружила неуниверсальные границы капитализма. Оказалось, что пирога не хватит на всех.

И потеря надежд, долготерпения, веры мировой периферии в возможность когда-нибудь откусить от пирога, догнав центр миросистемы, приобретает форму борьбы с двойными стандартами. Борьбы, которая ставит целью трансформацию капиталистической миросистемы, все яснее обнаруживающей двойственность своих стандартов. Разочарование российского общества и политологов в двойных стандартах капиталистической миросистемы, в частности в теориях демократического перехода, «конце истории», либеральных рецептах и т.п., вызывает двойственную реакцию.

С одной стороны, она проявляется в виде тупиковой герметизации политического мышления в виде славянофильства, евразийства, державности, неповторимости, уникальной идентичности и т.п., ведущих к интеллектуальной автаркии России от остального мира, созданию универсальных стандартов, но «для и внутри особенной России». К сожалению, именно этот, более легкий для себя путь выбирает российская властная элита, пытаясь встроиться в откровенно дискриминирующую ее потенциал миросистему.

С другой стороны, реакция на двойные стандарты реализуется в форме поиска новых универсалий и проек-

¹ Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль, 1996. № 5. С. 30–42.

тов, ведущих к более справедливому устройству глобального мира. И, следовательно, России как одной из его частей. Титанизм этой задачи аналогичен новой попытке построения Вавилонской башни. Построить эту универсальную башню без двойных стандартов в глобальном плане не удалось ни христианству с его крестовыми походами, ни капитализму, ни коммунизму.

И тем не менее можно оптимистично утверждать, что каждая новая попытка получается у человечества лучше и глобальней предыдущей. В долгосрочной перспективе иного выхода просто нет. Поскольку сам тип универсальной Современности, к которому апеллирует господствующая политическая теория, представляет схему из двух теоретически взаимообусловленных признаков: капитализма и демократии, вытекания одного из другого. Но распространение этой схемы на глобальный мир и человеческую историю обнаружило несвязность даже этих базовых признаков.

Демократии первого и второго сорта

В универсальных стандартах и всеобщих законах истории рано или поздно обнаруживаются функции чьих-то вовсе не универсальных социально-политических и экономических интересов. И конец универсальности целей как обнаружение двойных стандартов внутри монархии, социализма, либеральной демократии и шире – капиталистической миросистемы в целом – ведет к моральному неприятию статус-кво. Протест в данном случае реализуется в широком спектре действий, направленных на изменение несправедливой действительности: от гражданского неповиновения до гражданской войны.

В постсоветской России молниеносное по историческим меркам разочарование в демократическом транзите, а с ним и скептицизм в отношении демократии как таковой,

обязано одному факту. Он состоит в том, что в новейшей российской истории демократия трактовалась как антипод социалистического настоящего, демократия понималась как антикоммунизм. Осуществление демократии приравнялось к мгновенному пришествию земного рая. Поэтому неудивительно, что превратившись из утопии в официальную идеологию властной элиты, демократия стала тем, что как бы уже существует «здесь и сейчас». Либеральная демократия в итоге тут же была дискредитирована и повседневной властной практикой, и негативным опытом населения, и критикой оппозиции, обнаружившими изъяны демократических институтов в России.

Но означает ли разочарование в практике российской демократии кризис легитимности самой ее идеи? Капиталистическая миросистема за 200 лет своего господства не раз подтверждала способность преодолевать внутренние противоречия и интегрировать несогласных. Например, в настоящее время очередное спасение демократии как универсального и общечеловеческого стандарта осуществляется в виде пропаганды концепции «качества демократии». Теория «качества демократии» представляет собой отказ от оперирования «идеальными типами», такими как капитализм, социализм, тоталитаризм, которые в чистом виде не существуют в реальности и неприменимы к измерению совокупности признаков демократичности того или иного политического режима. Лишь многомерное измерение демократической сущности общества в итоге оборачивается суммарным «качеством демократии». Однако при таком подходе демократия как характеристика «по умолчанию» приписывается практически любому обществу. Вместо одного из возможных видов политических режимов (как это было у Платона и Аристотеля, Монтескье или Локка) демократия становится едва ли не единственно приемлемым «современным» политическим режимом.

Естественно, что внутри этого идеального и универсального режима тут же возникают двойные стандарты в виде неизбежной дифференциации мира на демократии первого, второго и третьего сорта. В результате, универсализация демократии на практике оборачивается ее релятивизацией и новой идеологической дискредитацией. Отсюда закономерный отказ от демократического транзита как легитимирующего стержня актуальной капиталистической миросистемы и актуализация проектов ее собственной трансформации.

Соответственно движение периферии к универсальной Демократической Современности превращается в частную и во многом ложную задачу позавчерашнего дня. Обнаружение предельных исторических границ капиталистической миросистемы, рост глобальных социально-экономических и культурных разрывов отвергают в настоящее время саму возможность «транзита» к некоей универсальной политической норме. Множество намечающихся путей возможной трансформации «знакового мира» пока не дает оснований для веры в новые универсалии и политические стандарты. Фундамент новой Вавилонской башни взамен разрушающейся капиталистической миросистемы еще только предстоит заложить.

Ограниченность цивилизационной парадигмы

Цивилизационная парадигма строится на аксиоме о первичности и непреодолимости уникальных культурных различий. В фаталистической и во многом иррациональной интеллектуальной традиции, делящейся от Н. Данилевского¹ и О. Шпенглера² до С. Хантингтона³ и П. Бью-

¹ Данилевский Н. Россия и Европа. СПб.: Глаголь, 1995.

² Шпенглер О. Закат Европы. М.: Эксмо, 2006.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.